

АНТОНИНА ГЛУШКО

НА КРУГИ СВОЯ

Антонина Глушко

На круги своя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21118343
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Когда Сергей Казаков, боевой летчик прибывает в отпуск к родителям, неожиданно узнает, что у него есть сын, и которого поместили в детский дом. Он бросается на его поиски. Но в детском доме ему сообщили страшную весть. Его ребенка усыновили. Сергей не смиряется этим. Он любыми средствами пытается вернуть сына. Даже опрометчиво предлагает директору детского дома деньги, за адрес усыновившей семьи, но получает отказ. Закон обратной силы не имеет, заявил ему директор. И возможность забрать у усыновителей ребенка, для Сергея равняется нулю. Тогда он самостоятельно начинает борьбу за сына. Сумеет ли он отыскать своего малыша и вернуть его? Через многие тернии придется пройти главному герою, но получит ли он желаемое?

Содержание

КАЗАКОВЫ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Антонина Глушко

НА КРУГИ СВОЯ

КИНОПОВЕСТЬ

*...Все возвращается,
Все возвращается
Только на круге другом...*

Из песни.

КАЗАКОВЫ

Часть первая

– Приведите ко мне Савельева, – через внутреннюю связь распорядился Бурмин.

В дверь постучали:

– Разрешите?

На пороге появилась женщина в белом халате, она держала за руку белокурого малыша.

– Спасибо, можете идти, – сказал хозяин кабинета нянечке.

– Садись, – сказал он ребенку, указывая на ряд стульев, у противоположной стены от окон.

Тот уселся и стал пристально смотреть на Бурмина, рывшегося в бумагах, разложенных перед ним на столе.

– Савельев, ты знаешь, кто такая мама? – теперь Бурмин гремел выдвижными ящиками стола, чего-то в них выискивая.

Ответа не последовало.

– Мама – это женщина, которая заботится о своих детях, кормит их, укладывает спать, а главное, она их любит. Сейчас сюда придет твоя мама. – Сказав все это, Дмитрий Иванович оставив напрасные поиски чего-то, скорбно посмотрел на Савельева и горько вздохнул.

«Неужели бабушка? А баба Валя говорила, что она померла. Значит неправда», – обрадовался Степан, так звали мальчика и, уставившись на дверь, стал ждать.

– Савельев, вытри сопли.

Те действительно жиденькими струйками вытекали из носа, соединялись воедино, и повисали на его кончике. Однако ребенок этого не замечал, настолько привлекала его входная дверь, из которой сейчас появится его бабушка.

Баба Валя говорила:

– Твоя бабушка тебе и мать, и отец.

А та, стряпая румяные оладьи на плите, пока он сидел за столом в ожидании перед блюдцем с медом, оборачивалась от печки и хитро улыбалась ему. Савельев, зажатым в кулаке платком, размазал по щекам то, что висело у него под носом.

– Почему у тебя капает из носа? Тебя смотрел врач?

– Я болею, простыл, мне сказала Мария Павловна.

– Час от часу не легче, – засокрушался Бурмин.

В дверь постучали и, не дожидаясь «войдите», на пороге появилась высокая молодая привлекательная дама, с добрым приветливым лицом. Степану она понравилась. Из-под пушистой шапки выбивались волнистые светлые волосы. Прелестница была одета в длинную роскошную шубу подстать ее замечательной шапке. Но где же бабушка?

– Проходите и садитесь, – пригласил Дмитрий Иванович, обратив все свое внимание на красивую гостью.

Женщина, как только вошла, сразу взглянула на Степана

и не отводила от него глаз даже, когда к ней обращался Бурмин. Порывшись в столе, тот достал из ящика толстую коричневую папку, открыл и стал вытаскивать из нее какие-то бумаги, раскладывая их на столе.

– Вот ваши документы, которые прошли формальности оформления. Здесь ваша подпись и подпись вашего мужа о совместном согласии.

– Да, да, спасибо. Муж не смог приехать со мной, как мы планировали. Он срочно улетел в командировку с клиентом, – говоря все это, женщина продолжала смотреть на ребенка добрыми грустными глазами.

– Сынок, – вдруг проговорила она, пристально глядя на Степана, сидевшего на стуле напротив нее. – Ты разве не помнишь меня? – тихо спросила она не вставая и не подходя к нему.

Она даже не повернула головы в сторону Дмитрия Ивановича, когда тот обратился к ней с каким-то вопросом. Ребенок молча разглядывал молодую незнакомую женщину. «Она что ли моя мама? А бабушка»?

– Савельев это твоя мама. Она тебя очень долго искала и, наконец, нашла. Теперь она тебя заберет от нас и увезет домой. Ты поедешь с ней?

Степан молчал, он был растерян. Ему бабушка никогда не говорила, что мама его теряла.

– Иди в группу, собирайся.

Женщина встала, все также, не спуская со Степана глаз,

подошла к его стулу, опустилась на колени перед ним, отчего ее прекрасная шуба веером рассыпалась по полу.

– Степушка, сыночек, ты ведь узнал меня? Да, мой мальчик? Я так тосковала без тебя. – Она обхватила руками хрупкое тельце ребенка, прижалась к нему головой, отчего, красивая ее шапка свалилась за спину и покатилась по полу, а длинные светлые волосы рассыпались по пушистому воротнику шубы. – Сейчас, мой родненький, мы поедем домой.

– Я болею, соплями кашляю, – пожаловался ребенок.

– Мы вызовем доктора, он быстро тебя вылечит, сыночек. А я тебе сделаю горячее молоко с медом.

– Бабушка мне тоже делала горячее молоко с медом, – шел на контакт ребенок с незнакомым человеком.

В кабинет зашла, вызванная по внутренней связи нянечка и увела Степана.

Женщина встала с пола, подобрала скатившуюся шапку, надела ее и уселась на прежнее место. Теперь она смотрела на сидевшего за столом директора детского дома Бурмина Дмитрия Ивановича.

– Вы не разочаровались, увидев ребенка вблизи и в непосредственном контакте?

– Что вы! Мы так долго с мужем наблюдали за ним и через щели в заборе во время прогулки, и через приоткрытую дверь в игровую комнату, и во время его сна, что мы уже не мыслим жизни без него. Спасибо вам большое за помощь в оформлении документов по усыновлению.

– Ребенок чудесный. Я, откровенно говоря, очень хотел, чтобы его побыстрее забрали в семью. Спокойный, послушный. Полное отсутствие каких-либо комплексов. Он не доставит вам хлопот.

– Пусть доставляет. Мы будем только рады этому.

– Хорошо, что он здесь пробыл совсем недолго. Где-то около полугода, – директор заглянул в бумажку, лежавшую перед ним и подтвердил: – Да полгода, как его к нам привезли. – Ребенок, как говорят чистый. То есть матери нет совсем, – умерла во время родов. Бабушка, у которой он жил до сих пор трагически погибла. Отец неизвестен. Так что никто вам не предъявит претензий, и все у вас будет хорошо.

Тем более внешне ребенок сильно похож на вас. Такие же светлые волосы и ваши голубые глаза. Никто даже не заподозрит в нем неродного вам сына. Забирайте свое чудо, и желаю вам в семье только счастья, – напутствовал новоиспеченную, счастливую маму руководитель скорбного дома, из-под крыши которого отправлялся в неизвестный мир очередной сиротинушка, чтобы шагнуть в новую жизнь, крепко держась за руки приобретенных родителей.

На крыльцо детского дома вышли провожать всем коллективом нянь, воспитателей, врача, во главе своего директора. Они наблюдали, как женщина бережно держа за руку их маленького трехлетнего воспитанника Степана Савельева, наклонившись что-то ласково говорила малюточке.

У дорожного бордюра, их поджидал черный блестящий

«мерседес» с водителем за рулем. Через мгновение машина развернулась, быстро унося ребенка от сиротского дома.

СЕРГЕЙ.

– Сергей, привет! Ты, что это явился в родной край, и глаз не кажешь?

– Витька, ты что ли!? Как ты узнал, что я приехал?

– Догадайся с трех раз.

– Ну конечно, ты узнал от дяди Жоры. Вы ведь живете в одном доме. Он побывал уже у нас дома, во Владивостоке. Ну, молодец, что позвонил. Да я приехал только позавчера. Мать никуда не отпускает, говорит, есть у нее сын или нет. Зовет меня Миклуха-Маклай, за мое место службы.

– Это точно, по-другому и не назовешь. Надолго явился?

– Пока на сорок суток, а там как повезет. Чтобы не получилось как прошлый раз. Приехал на месяц, а дали отдохнуть всего десять суток и то, только потому, что не застали дома.

– Тогда была срочная необходимость перегонять СУхорей, а ты как командир звена. Должен всегда быть готовым к любой ситуации, и в любое время, такова наша боевая доля, – вроде бы как с тоской высказался Виктор.

– Да, откровенно говоря, мне вся эта боевая доля уже порядком поднадоела. Скоро действительно от безысходности сам вдену кольцо в нос и в набедренной повязке побегу в джунгли, как наши соседи.

– Что так и нет, там, у них, никакого прогресса до сих пор?

Все еще с копьями и кольцами в носу?

– А ты думаешь по-другому? Кто-то посадит в кабины аборигенов в набедренных повязках за штурвал МИГов либо СУхих? Как пахали наши летчики, так и сейчас точно также. Кислородная маска на морде, а кто там скрывается под ней в кабине не видать. И есть ли у него в носу кольцо, или его нет.

Они рассмеялись шутке, знали о чем идет речь.

Сергей Казаков и Виктор Макаров закадычные друзья с детства. Вместе учились в двадцать пятой школе в Уссурийске, а когда окончили ее то, как мама Виктора сказала: – И куда вас несут черти. А черти понесли пацанов в Волгоградское Качинское высшее летное военное училище.

После его окончания их тут же забросили в «Забу-Забу». Так смеясь, называли друзья страну, куда были направлены Родиной «обучать» местный контингент летному делу. Но это была лишь политическая придумка. МИГами и Сухими, конечно же, управляли советские пилоты. Друзья попали в самое пекло. В «Забу-Забу» шла война, воевали между собой не аборигены, конечно, а русские и американские военные силы.

Делили территорию чужой страны, которая им не принадлежала, насаждая свою идеологию. Отправляя летчиков на Черный континент, с ребят взяли подписку: нигде и никому не разглашать место своей службы.

Не будем и мы разглашать тайну нашей страны, эту тайну Полишинеля.

Сергей начал летать, будучи еще курсантом. Не пришлось ему побывать в гостях у родных после окончания училища. Воевал. А вот для Виктора не было бы счастья, да несчастье помогло, если уместна здесь эта пословица.

В одном из боев была подбили его боевая машина. Пилота катапульта выбросила из горящего самолета уже без сознания. Виктор остался жив, попал в госпиталь.

На долечивание был отправлен на родину. После госпиталя комиссия дала заключение: в тамошних условиях служить пилоту не рекомендуется. В переводе на обычный язык это означало: война для Виктора окончена. Что-то там нашли у него сдвинутое в организме.

Откровенно говоря, Виктор и не рвался назад в ту мясорубку, откуда его привезли в Советский Союз, слава Богу, живым. Сергей же продолжал воевать. Зарекомендовал себя грамотным боевым летчиком, как указывалось в характеристике его личного дела.

Служба в экстремальных условиях, если войну можно подвести под такое понятие, по срокам засчитывалась один к трем. Потом его направили в Москву, в военную Академию, вроде бы как на отдых и повышение офицерского статуса.

«Забу» продолжали раздирать политические распри двух держав. Война продолжалась, следовательно, страна нуждалась в боевых летчиках.

Пришлось штурмовать учебу в ускоренном режиме без отпуска и каникул. Снова за штурвалами СУхорей, и МИГов

Сергей отстаивал свободу и независимость голопузых аборигенов, которым до балды были войны, полеты летчиков и прочее мелькание боевой техники цивилизованного мира у них перед глазами.

Как и их предки тысячами лет бегали голыми с копьями в руках по джунглям за змеями и пауками, добывая себе пропитание, так и нынешние племена продолжают то же занятие.

Дикарям глубоко наплевать на межгосударственные раздоры. Их не волнует, падающий с неба факел ревущего чудовища, с оглушительным грохотом взрывающийся на земле. Их не трогает, гибнущий в огне человек. Для них это всего лишь зримое, но запредельное их пониманию явление. Да собственно никто и не собирался им объяснять происходящее.

Хотя если честно, то аборигены сами могли отлично справиться без самолетов и ракет при помощи копья и лука со стрелами, если бы действительно им угрожала опасность. Опасность была не им, а политикам. Но это уже совсем другая сторона дела. И в нее не следует соваться.

Нас же волнуют лишь судьбы наших героев, вот за этим мы и будем следить в нашем повествовании.

Виктор после излечения написал рапорт о переводе его на Воздвиженский военный аэродром, что в пригороде его родного Уссурийска, в Приморском крае. Где он и служит, по сей день, в качестве инструктора в звании подполковника.

– У тебя какое сейчас звание? – спросил Виктор, – Еще не упала на погон большая звезда?

– Нет, не упала. Только полковник. В штабе обещали после возвращения в полк присвоить звание генерала. А в принципе, зачем оно мне?

– Здравствуйте, приехали, – завозмущался Виктор за своего друга – бесребреника.

– Ладно тебе все обо мне, да обо мне, скажи как ты?

– А что обо мне? Женился. Имею двух девчонок, которые появились на свет одновременно.

– Вот это да! Поздравляю.

– Спасибо, но я тебе звоню вот почему: тут у нас наши девчата-одноклассницы засуетились организовать вечер встречи нашего класса. Будет здорово, если ты приедешь. Никто еще из них не знает о твоём приезде.

– Обязательно приеду. Когда намечается мероприятие?

– Я уточню, и позвоню тебе через пару дней.

– Хорошо. Жду звонка. Спасибо что позвонил.

Сергей положил трубку на рычаг, подошел к окну и задумался.

– Сынок, с кем это ты так долго разговаривал?

– С Виктором Макаровым.

– Да ты что! А где он сейчас? Ты писал тогда, что его ранили и увезли в Союз, а больше я о нем не слышала.

– Он по-прежнему служит в летной части только инструктором на Воздвиженском аэродроме.

– Молодец. Он всегда мне нравился этот мальчик.

– Мам, какой он мальчик у него уже девчонки-близняшки!

– Да что ты?! Вот это молодец! Обскакал тебя твой друг.

Любовь Захаровна не стала дальше развивать больную тему женитьбы своего сына. Она понимала, где служит он, и какие там условия, горячо желала только одного: чтобы он вернулся живым домой, на родину. Тогда уж точно можно будет донимать сына по созданию семьи. Слава Богу, уже двадцать восьмой год пошел.

«Интересно, кто сейчас из нашего класса остался в Уссурийске?» – размышлял Сергей. Однако он лукавил перед собой. Ему было интересно лишь одно имя, имя Светки Соколовой.

Он не спросил у Виктора про нее. Не потому что постеснялся, а побоялся услышать, что та уехала с мужем из Уссурийска. Что она замужем об этом ему стало известно еще в свой первый приезд, когда удалось отдохнуть дома всего десять суток.

Папка тогда рассказал, что Соколова вместе с мужем проходила преддипломную практику у него в прокуратуре, когда отец еще работал в Уссурийске. Светка окончила Владивостокский Университет, стала юристом.

«Хочу увидеть ее. Какой она стала сейчас? Ведь мы ровесники», – вздохнув, он усаживаясь в кресло, напротив включенного телевизора.

Для него она осталась в памяти той Светкой Соколовой, которую постоянно ребята подкалывали в классе: «...розовые розы, Светке Соколовой однокласснице моей...», в то время эта песня была хитом сезона. Жизненное сочетание ее имени и фамилии с песенной героиней злило девчонку, и она замахивалась на шутников портфелем.

Почему же так получилось, что единственная девчонка, которая нравилась Сергею не стала его подружкой? А сам виноват. Ведь видел же, что небезразличен был Светке. Нет же все шуточки-прибауточки. А все по молодости и беззалаберности. Думалось, все еще впереди, и что Соколова никуда не денется.

Вернется с училища, а она все также будет стоять на крыльце школы, и примериваться, кого бы из шутников огреть по спине портфелем.

Сейчас он не стал бы увертываться, а подошел бы к ней и сказал: «Света, а я о тебе постоянно думал все это время. В небе, даже во время боя, в самом пекле, напевал «...розовые розы...». Вот принес тебе букет розовых роз. И высыпал бы все цветы к ее ногам.

Что это я нафантазировал себе? А все от безделья лезут разные мысли в голову. Вот увижу ее, если она никуда не уехала с мужем, и сразу все станет на свои места. Наверняка не узнаю той Светки, о которой думал все эти годы. И конечно, разочаруюсь. Ведь прошло целых десять лет. Даже больше», – строил он бетонную защитную стену своим чувствам

к бывшей однокласснице.

Через два дня позвонил Виктор и сказал, что встреча одноклассников состоится в субботу в ресторане «Седьмое небо».

– Это новое здание, построенное рядом со старым рестораном «Уссури», которое сейчас уже и не ресторан вовсе, – почему-то вроде бы как с грустью сообщил он – А «Седьмое небо» модерн-люкс!

Они договорились, что Сергей приедет в Уссурийск на собственной машине, вернее на машине отца в пятницу, на которой катается по доверенности. Остановится у своего дяди Жоры начальника МРЭО ГИБДД, с которым уже договорился и, семья которого ждет, не дожидается дорогого гостя.

А тут еще такой случай подвернулся, как встреча одноклассников. Иначе Любовь Захаровна не отпустила бы сына из дому ни под каким предлогом.

* * *

Дмитрий Иванович Бурмин директор детского дома был поставлен перед дилеммой: звонить или не звонить. Звонить – это однозначно. А вот сейчас или позже никак не мог решить. Его терзали мучительные сомнения, что уже несколько раз хватал валидол и совал под язык!

А звонить надо и сразу решить этот труднейший вопрос, чем затягивать его. Ведь если придется возвращать в детдом

Савельева, то уж лучше раньше, пока ребенок не обвыкся в новой обстановке.

– Ах ты, Господи! – мучился жалостью, тоской и разочарованием, этот душевный человек, переживая всеми нервными клеточками за судьбу горемычного сироты. Надо же такому случиться именно в этот день, когда ребенка забрала такая замечательная женщина.

Его страдания достигли наивысшего предела, когда уже больше нельзя замалчивать. Бурмин со злостью выплюнул в мусорную корзину очередную лепешку валидола, который совершенно не действовал на него, и взялся за телефон.

Однако, задержав руку на трубке, склонил на стол голову и прижался к нему щекой, мучительно застонав, словно от зубной боли. «Ну, как я объясню ребенку, почему его снова возвращают к нам»?

Возврат детей в детдом от усыновителей, нечастые явления, однако же, бывают. Такие случаи вызывают шок не только у всего взрослого коллектива сиротского дома, а главное у самого ребенка. А для директора это бессонница, повышенное давление, а главное сердечная боль. У Бурмина уже было два микроинфаркта.

С трудом отлепившись от стола, он снял трубку. Набрал номер, услышав в ответ знакомый голос.

– Извините, это Дмитрий Иванович. Простите, что я беспокою вас в такое время. Я искренне приношу вам свои соболезнования, и хочу сказать, что теперь пока не поздно, по-

ка Савельев не привык к вам, можете вернуть его назад, – лепетал директор невнятным голосом, ненавидя себя и за этот лепет, и за какую-то свою вину перед несчастным сиротою.

На том конце трубки молчали. Все. Сейчас он услышит: «Да, так будет лучше». У Бурмина от этого на голове стояли дыбом волосы.

– Надеюсь, Дмитрий Иванович, вы пошутили? О каком Савельеве вы говорите?

– О Степане, – глупо проговорил директор.

– Если вы имеете в виду моего сына, Степана, то он уже не Савельев. Я об этом позаботилась заранее, еще до его возвращения домой. – В тоне женщины не было истерики и сарказма. Она говорила нормальным спокойным голосом, однако в нем мужчина уловил усталость и печаль. – Мы остались теперь с сыном одни. Я очень сожалею, что Степушке так и не удалось встретиться с отцом. Но я и сама с помощью дедушки и бабушки сумею сделать его счастливым.

– Простите меня ради Бога. Я хотел как лучше. Но теперь я спокоен за ребенка. Вы настоящая мать и даже более того.

Бурмин что-то мямлил, и за это продолжал ненавидеть себя. Ему бы сочувствовать женщине в гибели ее мужа, а он внутренне ликует – ребенок остается в семье!

Пожелав всего хорошего, положил трубку и спохватился: в семье траур, а он полез со своими пожеланиями хорошего. «Нет, я совсем скатился с крыши, неужели так обрадовался, что ребенок не возвратится назад в детдом? Еще пара таких

напрягов, и загнись к чертовой матери», – рассудил Дмитрий Иванович, теперь уже тревожась за свое здоровье.

* * *

Вечер встречи удался на славу. Явились больше половины класса. Двое друзей Димка Сысоев и Олег Камоза прилетели с Камчатки, где живут и работают вулканологами. Исполнилась их школьная романтическая мечта.

С далеких Курил, с острова Шикотан прибыла мадам Аполлонова, в девичестве Оля Крючкова, там она замужем за капитаном рыболовецкого сейнера. Со своим будущим мужем Валеркой Аполлоновым Ольга познакомилась еще в студенческие годы, обучаясь в рыбном институте, во Владивостоке.

Ленька Усов, Егор Лихода и Мишка Дорофеев – таможенники, приехали из Хабаровска. Эдик Иванян и Димка Фирсов прилетели аж из Заполярья. Ребята работают за полярным кругом радистами на метеостанции.

Остальные одноклассники – Уссурийцы. Каждый вставал и говорил, кем он стал, чего достиг в жизни. Когда очередь дошла до Сергея, он встал и сказал:

– Летаю.

– Ну, чего скромничаешь! – закричал через стол Виктор, сидевший между девчонками. – Он у нас уже полковник, и вот-вот будет генералом, – расхвастался за друга однокласс-

ник.

– Да брось ты, Витёк, все это мелочи, – спокойно сказал Казаков.

– Спросите сколько у него наград! И заметьте, большая часть из них – ордена. Да к тому же все боевые, – продолжал Виктор гордиться за своего товарища.

– Странно, – сказала Нинка Ященко, насмешница и хохотунья. Ныне педиатр в детской поликлинике. – Такой молодой, а уже полковник. Ну-ка Серега, расскажи, как это тебе удалось?

– Там где он летает, звание дают не за то, сколько лет небо коптил, а за боевые заслуги, – строго посмотрев на Нинку, сказал Витька и добавил: – Давайте, выпьем за Сергея, и за всех таких же парней, которые далеко от Родины, и им приходится ой, как нелегко. – Все начали чокаться бокалами с Сергеем, и веселье покатилося.

Из ресторана выходили шумной горластой толпой, кто-то пробовал запеть, кто-то предлагал продолжить веселье.

* * *

Сергей сразу увидел Светку Соколову, едва та появилась в банкетном зале ресторана, где проходила их торжественная встреча. Оказалось, она по-прежнему живет в Уссурийске. Работает юристом в адвокатской конторе, руководимой ее мужем-адвокатом. Ничего удивительного не было в том,

что она сейчас в ресторане без мужа. Все решили гулять похолостяцки, без половин – таков был уговор.

* * *

Из ресторана Сергей и Света вышли вместе. Незаметно отошли от веселящейся толпы, грозящей перерасти в неуправляемую ораву, и медленно пошли по улице Чичериной в сторону Некрасовской.

– Ты где живешь? – спросил ее Казаков.

– В районе ДОСА, по Сухановой.

– Я тебя провожу?

– Проводи, – согласилась Света.

Они молча шли рядом, мысленно произнося монологи. О чем? Сергей-то знал, а вот о чем думала Светка, он не догадывался.

– Работаете? – словно кто завязал в узел все его красноречие, проямлил он. «Да что это со мной творится? – начал злиться Сергей на самого себя. – Словно кто язык прищемил. Видно слишком много я разговаривал с ней там, в своих джунглях».

– Как живешь?

– Нормально.

– Дети есть?

– Конечно.

– Света! – наконец прорвало его: – Ты знаешь, что я о тебе

постоянно думал все эти годы? – Он остановился, развернул молодую женщину к себе лицом, держа ее обеими руками за локти. – ...Почему же ты замужем, ну скажи почему?..., – нервно сфальшивил он песенные слова, глядя на нее.

Это было дремучей глупостью с его стороны. За неуклюжим, песенным выпадом Сергей скрывал свое разочарование и сожаление, о том, что Светка оказалась совсем иной, нежели в свои школьные годы. Это окончательно разозлило его.

К нему стали возвращаться его обычные болтовня и паясничание.

– Вот поэтому.

– Это почему же? – теперь он, шутя, прижав Светку к себе и, приподняв над землей, закружил ее вокруг себя.

– Потому что у тебя были одни шуточки – прибауточки. – Света высвободилась из рук Сергея, и теперь с грустной улыбкой посматривала на своего бывшего одноклассника.

– Света извини, это не я, а ты выскочила замуж, еще и упрекаешь меня в легкомыслии. – Применил он лучшую защиту – нападение.

– А ты мне хоть намек, хоть маленькую весточку подал, чтобы я не выходила замуж? Тебе прекрасно известно, сколько мне лет. Сидеть и ждать у моря погоды девушка не может.

– А ты ждала эту весточку?

– Ждала, – просто ответила она.

Ей уже можно не таясь своих чувств, говорить все в лицо этому баламуту, как называла Сергея ее мама в школе, где та преподавала математику.

Сергей был ошеломлен, увидав Светку в ресторане. Он надеялся, встретить ее, разочароваться, и навсегда распрощаться с мучающими его чувствами, ставшими навязчивостью. А получилось совсем наоборот.

Пред ним предстала необычайно привлекательная молодая женщина. Теперь на свое горе он полюбил ее еще сильнее. Будучи девчонкой, Светка была угловатым и ершистым подростком, а сейчас Соколова превратилась в прекрасную, белокурую красавицу, желанней которой, по мнению Казакова Сергея, для него не существовало на всей земле.

Все, приехали, он пропал! У него не только исчезли его чувства к Светке, но во стократ усилились.

– Доразговаривались, – пробурчал Сергей, и стал прощаться. – Можно мне тебе позвонить? Я в Уссурийске пробуду еще дня два-три.

– Позвони, – она порылась в сумочке и вытащила визитку. – Звони по моему сотовому.

– А муж? – с ироническим сарказмом спросил он.

– По-домашнему, не звони, – был короткий ответ.

* * *

Лежа на расстеленном диване у своих родственников,

Сергей переваривал встречу с Соколовой, или какая там сейчас у нее новая фамилия. Он никак не мог примириться, с тем, что жившая в его мечтах девчонка, стала необыкновенно привлекательной женщиной, замужем, да еще и с кучей детей.

«Правильно она сказала, что я сам виноват. Ни одной весточки, ни единого намека, что помню и думаю о ней. А она ведь девушка, и ей надо было заводить семью».

Сергей представил, как бы сложилась его судьба, женись он на Светке, еще, будучи курсантом.

Ну, и куда бы он повез молодую жену, сорвав ее с Университета? В джунгли? В зону войны, где у него ежедневные многочасовые, боевые вылеты? Из которых запросто мог не вернуться. Нет, что-то тут не так.

Извертевшись на широком лежбище, встал, благо комната была отдельной, с плотно прикрытыми дверями. Беспокойства он родственникам не доставит.

Не включая свет, подошел к окну. Внизу потихоньку шуршала шинами редких автомобилей ночная Некрасовская улица.

«Ничего не получилось от встречи со Светкой, о которой мечтал более десяти лет», – вздохнул он от безысходности, прекрасно понимая, что «...розовые розы...» для него потеряны навсегда.

Сергей снова улегся на диван, подложив руки под голову, и, уставившись в потолок, по которому пробегали всполохи

ночного города, продолжал себя истезать рассуждениями.

Сон не шел, мысли, обгоняя друг друга, накатывали подобно волнам, и, защищая человека от душевной тягости, выбросили идею, от которой наш легкомысленный герой, а иного определения он не заслуживал, обрадовался.

– Вспомнил! – хлопнул себя по лбу, Сергей. – Поеду-ка я завтра съезжу в Борисовку. Вот это идея!

И, уткнувшись носом в подушку, моментально уснул. Утром ночная, захватившая его идея поездки в Борисовку не пропала, напротив разгорелась. «Ну и пусть, что ничего не вышло со Светкой Соколовой. Полечу к Жене, думаю встретят меня там получше, нежели в Уссурийске», – легкомысленно размышлял многолетне-влюбленный в нежные «...розовые розы...», и мгновенно, изменяя этой самой любви.

* * *

Насвистывая за рулем какой-то легкомысленный мотивчик, мчался сейчас наш неустойчивый герой вдоль Ново-Никольского шоссе в сторону Борисовки, в которой отродясь не бывал.

* * *

Сергей Казаков! Остановись, вернись, не лети навстречу

тому, что перевернет всю твою жизнь! Уйдет в никуда твоя многолетняя романтическая любовь к школьной подруге, никогда вернешься ты в злые, чужие джунгли, откажешься от сверхсумасшедших скоростей на МИГах и Сухих, причем сделаешь это добровольно, без всякого принуждения. Ты лишишься покоя и интереса к жизни, ты сделаешь себя самым несчастным человеком на свете.

Вернись, Сергей!

Однако внутреннее чутье не способно уберегать, либо предупреждать человека от тех ударов, которые ему заведомо готовит провидение, лишь немногие обладают подобным даром.

Что же поджидает Сергея в этой поездке? Что страшное и роковое произойдет с ним в незнакомой ему деревне?

Чтобы узнать об этом, следует вернуться назад в четырех-летнюю давность.

* * *

После окончания военного летного Училища Сергея сразу же отправили на Черный континент. Там он уже воевал, будучи еще курсантом. И имел определенный навык пилотирования самолетов в тамошних условиях.

Поэтому его включили в звено при переброске боевых машин СУ- 17 из Союза на базу дислокации авиаполка в «Зебу». Командование пообещало, по прибытию машин на

аэродром, он получит отпуск домой.

Так и вышло. Машины доставили благополучно, и Казаков со спокойной совестью отправился в сорокасуточный отпуск, к родным и любимым: деду Ивану – генералу в отставке, к бабушке Лиде, к мамочке Любове Захаровне, к папке Николаю Ивановичу, зам главного прокурора Фокинского района Владивостока.

Отца перевели в край из Уссурийской прокуратуры, и теперь семья живет во Владивостоке, в городе у моря, на улице Алеутской, что считается центром.

Приезду Сергея радости у родственников не было предела! А сам он от встречи с родными после долгой разлуки витал на седьмом небе. Отпуск длинный, погода прекрасная. Можно и расслабиться.

Позвонил Витьке в Уссурийск, тот еще не был женат, кроме того, находился на медицинском карантине. Короче, был свободным. Друзья с двух слов поняли друг друга и покатили к морю, на бухту Шамору, развлекаться.

Родные не возражали. Пусть отдохнет отпускник. Да и моря, где воюет их сын не видать даже с высоты полетов. Отпуск долгий, времени много – всем родным будет достаточно времени пообщаться с ним.

* * *

На берегу расположились лагерем. Перезнакомились с та-

кими же молодыми ребятами. Море, гитары, песни, шашлыки. Компания подобралась нормальная. Пьянок и загулов не было. Всех устраивала окружающая голубизна неба и моря, золото песка и прекрасные загорелые молодые девичьи тела.

Отдыхающий познакомился с Женей в море. У берега нормально понырять и поплавать не представлялось возможным: мелкая вода, месиво из детворы вперемешку с их мопсами, сильная волна с клочьями водорослей и песчаной кашей.

Отойдя от берега на глубину, Сергей в высоком прыжке ласточкой ушел в воду. А когда выскочил на поверхность, обнаружил рядом яркий оранжевый надувной матрасик, на котором спокойно полеживала девушка. Взглянув на нее, от ошалелости он едва не пошел ко дну. Сердце подобно легкой чайки взмахнув крыльями радостно рванулось из груди, и взмыло в небеса! Перед ним была Светка Соколова!

Но отдышавшись, понял, что схожесть вовсе и не такая уж большая, как показалась вначале. И все же что-то у них было общее. Светлые длинные волосы, голубые глаза, улыбка, губы.

Вот только Светка была повыше ростом этой девушки. Однако схожесть сыграла роковую роль роль. Любовь или что-то навроде, закружило головы беззаботного отпускника и его подружки. Влюбленные десять суток, говоря армейским языком, предавались прекрасному чувству.

Виктор и его новые друзья к увлечению Сергея отнеслись

с пониманием. Тем более, что многие из них подобно Сергею обзавелись пляжными подружками.

Девушка рассказала Сергею, что приехала на море с подругами из Борисовки. Живя еще в Уссурийске он слышал, что есть такое село недалеко от города. Но бывать в нем ему не приходилось.

Сведения о подружке у легкомысленного отпускника были скудными: зовут Женя, в данный момент находится в отпуске, работает медсестрой в фельдшерском пункте, того самого села Борисовки. О себе он сообщил, что находится в отпуске. Служит. И, естественно, назвался Сергеем.

Такие «обширные» сведения друг о друге в разгар пляжного романа между молодыми людьми вполне устраивали обоих.

Отпуск у Жени закончился, и она отбыла в свою Борисовку. Сергей тоже укатил домой, не пожелав оставаться на море без подружки. При расставании на клочке бумажки он черкнул ей номер домашнего телефона родителей во Владивостоке, где собирался провести остальные сутки своего отпуска.

Просил девушку звонить. На том и расстались.

Дома его ждал сюрприз. Срочно предписывалось явиться на военный аэродром Центральной Угловой, что под Владивостоком в летный полк для переброски партии самолетов с Дальнего Востока, наикротчайшим путем на Черный континент.

Предписание пришло еще три дня назад, однако родители не стали ему сообщать о вызове, жалели сына. Пусть отдохнет, решили они. Вечером снова позвонили из Управления. В деле находился адрес и телефон по месту пребывания отпусника.

Поступил повторный Приказ срочно явиться на аэродром, для переброски машин. Через два дня открывается «воздушный коридор» над странами, давшими «добро» для пролета звена. Сергей знал, что это такое, где нельзя упускать ни единой минуты.

На следующее утро Казаков прибыл на Угловую. Трудный длительный перелет, с двумя посадками на аэродромах чужих стран для дозаправки, строгое выполнение режимного полетного времени, отключили сознание боевого летчика от мирной гражданской жизни. Забыта Женя, море, клочок бумаги, с нацарапанным на нем телефонным номером для девушки. Забыто все, вернее отодвинуто куда-то в далекий уголок памяти. После двухдневного отдыха на базе авиаполка, их сразу бросили в бой.

* * *

И вот спустя четыре года после описанных событий, наконец-то полковник Казаков получил долгожданный отпуск домой. Пляжной девушке Жене за все эти годы не подавал о себе вестей.

Написать ей письмо не представлялось возможным, даже не потому, что не знал ни ее адреса, ни фамилии, дело было в другом. Его письма к родителям шли через Министерство обороны. До Москвы корреспонденция доставлялась военной почтой.

В спецотделе конверт менялся на новый с адресом родителей, и только после этого отправлялся на Дальний Восток. Потужил-потужил Казаков о своей пляжной подружке, да и успокоился. И вот спустя четыре года он мчится сейчас к ней сам, вместо писем, которых не имел возможности ей отсылать. Но в этом он оправдается перед ней при встрече, решил беззаботный повеса.

* * *

Свернув с основной трассы влево, Сергей, притормозил и покатил в сторону Борисовки. Выяснить место нахождения фельдшерского пункта не представлялось возможным. Село словно вымерло. Ни одной живой души. Проехав метров двести вдоль сельской дороги, по обе стороны которой простлались необозримые колхозные поля, и все такая же безлюдность.

Наконец показались жилые строения. Из крайней избы на дорогу вышла женщина с ведром и двинулась к неглубокому оврагу, с неизвестно целью.

Сергей нажал на газ и, поравнявшись с крестьянкой, и

спросил:

– Скажите, где у вас фельдшерский пункт?

– Так вы проехали уже. Эта дорога ведет в Корсаковку, а вам надо вернуться назад и поехать прямо, – охотно и подробно объяснила сельчанка. – Езжайте прямо, никуда не сворачивайте, смотрите все время направо. Увидите домик покрашенный зеленой краской. Крыльцо выходит, аккурат, на улицу, вот это и есть медпункт.

Поблагодарив, женщину Сергей развернулся и помчался по указанному маршруту. Действительно, вскоре он увидел домик, наружные стены которого обшитые тоненькими дощечками, были окрашены в зеленый цвет. Прикрепленная фанерка, сбоку крыльца с обозначением «Фельдшерский пункт», подтверждала Сергею, что он у цели.

Пристроив машину рядом с пыльно-раздолбанным УАЗиком, стоявшим у самого крыльца с мужиком за рулем, Сергей щелкнул сигнальным брелоком и, обойдя УАЗ, взбежал на крылечко. Навстречу ему из двери метнулась девчонка лет четырнадцати-пятнадцати.

– Постой, Женя здесь? – без всяких фокусов схватил он за руку подростка.

Та, мельком взглянув на незнакомца, вырвала руку, увернулась от него и пырснула ни разу не оглянувшись. «Дикарка какая-то», – с досадой подумал Сергей.

Взявшись за ручку, открыл дверь, и шагнул внутрь, сразу оказавшись в маленькой приемной, если можно так назвать

деревенские сени. Женщина в сером халате мокрой тряпкой вытирала полы. На нем ярко выделялись капли крови.

– Тракториста привезли. Руку в мастерской на ремонте сильно повредил, – оторвавшись от дела, почему-то стала пояснять женщина незнакомому человеку. Если бы Сергей был знаком с деревенскими обычаями, то не стал удивляться.

– Скажите, а Женя здесь?

– А это кто?

– Медсестра или фельдшер, я точно не знаю.

– Не могу вам сказать. Я здесь работаю недавно санитаркой и не всех еще знаю. У нас фельдшерица Галина Дмитриевна, а медсестра Таня. Они сейчас руку перевязывают Гришки, ну трактористу, – пояснила санитарка.

«Так, по всему, Жени здесь нет. И где прикажете ее искать»?

– Если можно позовите Галину Дмитриевну.

Санитарка скрылась за дверью, и Сергей услышал:

– Дмитриевна! Тебя там спрашивает какой-то мужик.

«Уже стал мужиком», – усмехнулся он. Дверь отворилась, на пороге появилась полноватая женщина лет пятидесяти.

– Что случилось? Вы ко мне? – увидев посетителя, спросила она.

– Извините, я только хотел узнать, где Женя, которая работает здесь медсестрой?

– Женя?

– Я хотел бы ее увидеть. Я приехал из Владивостока.

Из двери высунулась конопатая девчонка в белом колпачке, по всей видимости, медсестра Таня.

– Галина Дмитриевна, идите быстрее, Трошкин повалился набок, вроде потерял сознание.

– Иду, – оглянувшись на девчонку и уже к Сергею:

– Вы, наверное, Сергей? – быстро проговорила фельдшерица, торопясь к потерявшему сознание трактористу. – Мне, извините, некогда разговаривать с вами. Идите к Рябовой Валентине Андреевне, прямо по этой улице, последний дом направо. Она вам все расскажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.